

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШУЛЬГИНА

преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Института социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
shulginamv@gmail.com

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ И ЭКОНОМИКА КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

В статье рассматривается вопрос об использовании труда заключенных Соловецких лагерей при освоении Кольского полуострова в 1920-х – начале 1930-х годов. Названы основные отрасли промышленности. Проанализированы бытовые условия, характер и содержание выполняемых работ, методы принуждения и стимулирования труда заключенных. Отдельное внимание уделено вкладу в развитие производств «законтрактованных» специалистов, лишенных свободы.

Ключевые слова: Соловецкие лагеря, Кольский полуостров, индустриализация, рыбные промыслы, строительные работы, добывающая промышленность, контрактация специалистов

Одна из страниц истории освоения Соловецкими лагерями Европейского Севера СССР связана с проникновением «архипелага ГУЛАГ» на Кольский полуостров. Тема использования труда спецконтингента на Мурмане нашла отражение в региональной историографии. Следует отметить многочисленные работы А. А. Киселева и В. Я. Шашкова, отличающиеся широтой освещения проблемы [30], [34] и др. Значимая роль в изучении темы репрессий, труда спецпереселенцев и заключенных в Хибинах принадлежит Хибинскому обществу «Мемориал» [32] и др. Вместе с тем вопрос, связанный с участием в промышленности Мурмана Управления Соловецких лагерей, лишь вкратце затронут в публицистических статьях [29], [31], [33] и требует отдельного внимания. Мы предприняли попытку анализа роли Соловецких лагерей в развитии экономики Мурмана.

В изучении темы чрезвычайно полезны расекреченные документы ведомственных архивов, а также делопроизводственная документация треста «Апатит», лагеря и его отделений, хранящаяся в региональных архивах. Периодические издания, выпускавшиеся в типографии Соловецкого лагеря, позволяют составить более полное представление о выполнявшихся заключенными работах, особенностях применявшимся методов стимулирования труда. В советской прессе умалчивались факты использования труда заключенных в промышленности и строительстве, однако эти источники нередко «проговариваются».

Свидетельство дислокации Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН) находим в топонимике Кольского полуострова: небольшая речка в районе г. Кировска, впадающая в озеро Большой Вудъяvr на шестьдесят седьмом градусе северной широты, между тридцать третьим и тридцать четвертым меридиана-

ми, по сей день сохранила название «Услонка» [8]. Известно, что «услоновцами» именовали заключенных спецпереселенцы, населявшие впоследствии эту территорию.

Еще современники рассматриваемых событий отмечали, что индустриальное освоение Кольского Севера базируется на труде, который может быть отождествлен с рабским. В. И. Вернадский в 1932 году так отразит впечатления о способах освоения минеральных богатств в своих мемуарах: «Стройка огромная и большая работа на Хибинах. В основе труд крепостной – на горе, на силах, страданиях невинных...» [2].

Использование заключенных в производственных целях впервые получило апробацию на Соловецком архипелаге. Постановлением СНК СССР от 2 ноября 1923 года здесь был учрежден Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ (СЛОН). До 1925 года работы Соловецкого лагеря на материке носили эпизодический характер и не отличались широкомасштабным привлечением лагерного контингента. В этот период главным образом осваиваются местные производства, доставшиеся лагерю в наследство от монастыря [35].

Первое появление лагерного контингента на Мурмане связано с рыболовным промыслом УСЛОН [18]. Попытки организовать работу рыболовецких судов Соловецкого лагеря в селении Териберка, предпринятые в 1923–1924 годах, окончились провалом. Группа соловецких заключенных была отправлена на промыслы совершенно неподготовленной к северным условиям лова, отсутствовало необходимое оснащение. Осенью 1925 года для выяснения возможностей промысловой работы в Териберку был послан заведующий рыбозвероловными промыслами В. П. Доильницын. Экспедиция в составе пяти заключенных прибыла вновь в Териберку 14 мая 1926 года. Однако, поскольку собственная

промышленная деятельность лагеря оказалась малоэффективна, командированные экспедиции в большинстве своем занимались скупкой рыбы у местных жителей [18].

Вслед за эпизодическими выездами с архипелага на Большую землю в 1925 году началось более интенсивное распространение «Власти соловецкой» на Европейском Севере. Во-первых, получила развитие собственная хозяйственная деятельность УСЛОН на материке – организуется работа на взятых в аренду лесозаготовительных дистанциях в КАССР. Во-вторых, тогда же появляется мысль о возможности использования заключенных на «контрагентских» работах (по контракту с советскими предприятиями) с целью извлечения прибыли из их деятельности.

Малоосвоенный Кольский полуостров нуждался в рабочей силе и в специалистах. 25 мая 1923 года Советом труда и обороны было утверждено положение о колонизации Карело-Мурманского края. Лесозаготовки, лесосплав и другие работы проводились главным образом за счет временных рабочих, прибывающих на заработки. Вместе с тем с 1925 года заключенные Соловецких лагерей уже использовались на Кольском полуострове во время сезонных работ; их силами велась постройка подъездных путей, мастерских, депо, лесопильных заводов [10]. К 1926 году уже появились проекты более активного вовлечения лагерного контингента в освоение края: «Задача расширения... колонизационного фонда, культура болот и экономическая помочь переселенческим хозяйствам стоят в настоящее время на очереди дня» [10].

Самое большое значение приобретает разработка апатитового месторождения в Хибинах. Промышленным работам предшествовали научные изыскания. В 1920 году к изучению хибинских недр приступила экспедиция под руководством академика А. Е. Ферсмана. Ферсман объективно оценивал потенциал разработки апатитового месторождения. В 1923 году в свой доклад о результатах экспедиций в Хибинские и Ловозерские тундры он вносит оговорку: «...такой материал, при большей чистоте и совместном нахождении фосфорной кислоты и разнообразных силикатов щелочей, явился бы практически очень важным, если бы количественная и хозяйственная сторона его эксплуатации была обеспечена. Однако... трудная доступность ущелий этой части Хибинского массива пока не обнадеживает нас в возможности практического значения этих месторождений...» [26]. Спустя шесть лет «хозяйственная сторона эксплуатации» апатитов будет обеспечена за счет труда заключенных УСЛОН и спецпереселенцев.

Предварительная оценка запасов апатитовой породы в месторождениях Кукисвумчорра, Расвумчорра, Юкспора и Пинуайчорра обнаружила, что эти месторождения Хибинских гор содер-

жат «исключительные запасы фосфорных руд» [28; 3]. Представлялась заманчивой возможность заменить апатитом привозные африканские фосфориты, отправлять добываемое сырье на экспорт. Это сулило ежегодное сохранение нескольких миллионов рублей валюты.

Развитие апатитового месторождения было сопряжено с целым рядом крупных технических задач: прокладка шоссе и железной дороги к месторождениям протяженностью 25 км, строительство на месте добычи жилых поселков, организация перемолочного и обогатительного завода в Хибинах, устройство гидроустановки на реке Белой, осушение болот в районе реки Белой и озера Большой Вудъявр и др. С 1928 года идет активный поиск путей решения этих проблем: «...нужно выявить те скрытые возможности, отсутствие которых не давало развития району...» [3]. Такие «скрытые возможности» были найдены в виде потенциала пенитенциарной системы.

Начало нового витка государственной политики в отношении использования труда заключенных связано с 1929 годом, когда Политбюро санкционировало организацию новых ИТЛ под эгидой ОГПУ «по типу Соловецкого». Это новой системы ИТЛ было продиктовано в первую очередь решением масштабных запросов экономического развития страны: «...опыт Соловков показывает, как много можно сделать в этом направлении (дороги, осушение болот, добыча рыбы заключенными...)» [25].

С возникновением новых задач перед Соловецкими лагерями меняется их название (Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря), а также структура. Управление Соловецкими лагерями было переведено с островов в г. Кемь (КАССР). Для выполнения трудоемких промышленных задач на Мурмане было организовано два отделения Соловецких лагерей – Третье и Шестое. Третье отделение с центром на станции Кандалакша, насчитывающее 9 700 заключенных, осуществляло лесозаготовительные работы вдоль Мурманской железной дороги (от станции Энг-Озеро до Мурманска включительно), земляные работы в Мурманске, рыбные промыслы в Кандалакшской губе и на океанском берегу Кольского полуострова. Задачи сооружения железнодорожной ветки к апатитовым разработкам и дорожного строительства, освоения рудника, а также выполнение других ответственных заданий правительства были возложены на Шестое (Апатитское) отделение с центром в разъезде Белый. В апреле 1930 года оно включало 2 340 заключенных [21].

Экспорт апатитов планировалось вести через Мурманский порт, поэтому прежде всего заключенным, командированным с Соловков, необходимо было проложить через болота и откосы гужевую дорогу. В 1929 году на ее строитель-

стве было задействовано около 600 человек. Невзирая на сложный рельеф местности, работы велись «усиленным темпом, преодолевая серьезные затруднения, заключающиеся в недостатке рабочей силы, позднем оттаивании болот в горах, обилии комаров и т. п.» [28; 7]. Дорога была официально открыта 25 сентября 1929 года.

13 ноября 1929 года был создан трест «Апатит» – государственная организация, призванная добывать и перерабатывать горную породу. Постановлением Совета труда и обороны и СНК СССР от 26 декабря 1929 года трест был включен в число 29 сверхударных строительств как «имеющий важное государственное значение» [5; 44]. Управляющим трестом был назначен Василий Иванович Кондриков. Предстояло обеспечить трест людскими ресурсами.

Перспективы привлечения заключенных Соловецких лагерей к апатитовым разработкам обсуждались на партийном собрании Соловецкой ячейки ВКП(б) 9 декабря 1929 года: «...нельзя... не отметить об наших апатитах, которые у нас раскрыли в Хибинском районе, и по наведенным исследованиям эта добыча будет составлять примерно 1 млн т апатита в год, этим вопросом занялся теперь УСЛОН...» [20]. Вслед за этим 1 января 1930 года С. М. Киров провел совещание в поселке Кукисвумчорр по перспективам освоения апатитонефелиновых месторождений. Не случайно вместе с Кировым на совещание прибыл начальник УСЛОН А. П. Ногтев: перспективы строительных работ и разработки рудника всецело ассоциировались с трудом заключенных [6].

Едва была проложена гужевая дорога, как Управление СЛОН заключило договор с Правлением Мурманской железной дороги на прокладку ветки «Апатиты». На этом задании было задействовано до 2 500 заключенных [7; 65]. Тяжелейшие работы велись в экстремальных условиях полярной мерзлоты. Этот факт не скрывают даже прошедшие цензуру периодические издания УСЛОН: «Это был действительно без преувеличения титанический труд. Каменные породы необычной твердости, подобные цементу, и мерзлота грунта заставляли даже летом обкладывать отдельные места кострами и отвоевывать, давая оттаивать грунту. Огромные валуны... массы земляных работ – свыше 250 000 кубометров, насыпи до 7 метров высоты на болотах, около четырех десятков мостов, непредвиденные трудности вроде знаменитой “мокрой выемки”, являющейся следствием сообщения двух озер, ураганы... работа в зимние полярные ночи при фонарях и многое другое...» [1]. При этом заключенные были лишены полноценного отдыха, нормального питания и подходящей одежды. При всех этих нечеловеческих условиях железнодорожная ветка, проложенная за год вручную по долине реки Белой и по берегу озе-

ра Вудъявра, была построена к 26 июня 1930 года, на 35 дней раньше выработанного Правительственной комиссией срока. Эти работы принесли УСЛОН доход в 1,5 млн рублей [7; 39]. Начало работы железной дороги открыло возможности для заброски спецпоселенцев, поставки строительных материалов [13].

Развитие промышленно-колонизационного центра активизировало работу Мурманской железной дороги и Мурманского порта. В 1930 году в Гамбург через Мурманск направлена первая партия, 750 т хибинского апатита [17]. Объем грузооборота в Мурманском порту резко возрос также за счет лесоэкспорта. В условиях нехватки рабочих рук в Мурманском пункте СЛОН были организованы артели для выполнения погрузочно-разгрузочных работ. Силами УСЛОН в Мурманском порту велись земленасыпные работы для постройки на этом участке трашовой базы Севгосрыбтреста, осуществлялась добыча камня для постройки дамбы, работы на лесных биржах [24]. При тяжелой выполняемой работе бытовые условия пункта оставляли желать лучшего: заключенные не имели возможности мыться в бане, не выдавалось белье, не оказывалась медицинская помощь [15].

Тем временем задания на добычу и вывоз горной породы становились все более серьезными. В 1930/31 году Правительственной комиссией было намечено добыть 500 000 т руды. На разработках было занято около 1500 человек, работавших беспрерывно по 12 часов. Трест испытывал существенный недостаток транспорта и техники, работы производились вручную. Добыча осуществлялась примитивным способом – по построенному деревянному спуску, который в связи с сильной изношенностью не годился к эксплуатации. В результате из намеченных к добыче и вывозке 250 000 т апатита на 1 октября было добыто лишь 22 000 т и вывезено около 5 000 т. Задание было выполнено лишь на 20 % [23].

Отсутствие необходимых условий труда и техники компенсировалось организацией социалистических соревнований среди заключенных и «распределением продуктов питания по трудовому принципу» [11]. В это время издания лагеря пестрят лозунгами типа «Даешь апатиты!», «Нефелин – не филонь!» и др. На практике это означало, что заключенный получал шанс на лучший паек (следовательно, на выживание) только при условии ударного труда и выполнения нормы с завышенными показателями. Социалистические соревнования среди артелей УСЛОН практиковались и при строительстве, погрузочных работах, лесозаготовках.

Главной же составляющей принуждения к труду заключенных, которую привнесли Соловецкие лагеря на Кольский полуостров, являлось физическое насилие. Обследование Соловецких

лагерей Особой комиссией под председательством секретаря Коллегии ОГПУ А. М. Шанина показало, что Третье и Шестое отделения не составляли исключения в общей картине жесточайшего обращения с заключенными: здесь, как и в других командировках и отделениях лагеря, были выявлены факты систематических избиений, в том числе зафиксированы случаи с летальным исходом [27]. Неудивительно, что в отделениях часто совершались попытки к бегству. В ноябре 1929 года 60 заключенных, обезвредив охрану, покинули место лесоразработок возле Мурманской железной дороги. Перейти границу с Финляндией удалось группе из 18 человек, остальные были задержаны погранохраной [19].

Трест «Апатит» нуждался не только в рабочей силе. В начале 1930-х годов квалифицированные специалисты для рудников подбирались также через Соловецкие лагеря. Отдаленность Мурманского округа от центра страны, суровые климатические условия затрудняли подбор вольнонаемных специалистов. Среди причин, отпугивающих административный и инженерно-технический персонал от поездки в Хибины, управляющий трестом В. И. Кондриков называет «острый жилищный кризис, усугубленный рядом других причин бытового характера» [5; 44].

Кроме того, тресту было выгодно комплектовать квалифицированные кадры из заключенных, так как «аренда» лишенных свободы сотрудников обходилась гораздо дешевле. Согласно условиям договоров между трестом «Апатит» и СИКМ ИТЛ, для «законтрактованных» специалистов из заключенных устанавливался ненормированный рабочий день. Оплата труда «рабочей силы» перечислялась на счет УСЛАГ³. Лагерь оставлял за собой право снять заключенных с работ в любой момент [5; 8, 21, 37–38]. Соловецкие лагеря оказались способны поставлять тресту заключенных самых разнообразных специальностей (даже таких, которые трудно было найти на свободе) [5; 21, 31, 45]. Многие «законтрактованные» специалисты оказывались незаменимы: об этом красноречиво свидетельствует переписка треста с ОГПУ по вопросу их оставления на производстве. Только распоряжение от вышестоящих инстанций ОГПУ порой становилось решающим в вопросе продления срока работы сотрудника [5; 23, 31, 44].

История сохранила имена некоторых лишенных свободы специалистов. Работа по изучению деятельности каждого из них еще предстоит. Видное место принадлежит минералогу, талантливому ученому и преподавателю Борису Александровичу Линденеру [5; 26], проектировщику и первому горному инженеру апатитового рудника Петру Николаевичу Владимирову [5; 1–6], заведующему 2-м участком рудников штейгеру⁴ Семену Исаевичу Левитину [5; 31–32] и др.

После очередной реорганизации системы Соловецких лагерей в 1931 году отделение переименовали в Шестой (Хибинский) отдельный пункт СЛАГ ОГПУ. Свидетельства о размещении заключенных Соловецких лагерей в Хибинах сохранились во многих сообщениях высланных [12], [14], [16] и др. Так, А. Лескова вспоминает: «Мы приехали в Хибины в тридцатом году, 14 марта… по одному, по два вагона доставили до места на “кукушке”. Едем-едем и свалимся, потому что рельсы прямо по кочкам в снегу были положены. Дорогу эту строили заключенные. Они жили там же на 13-м километре, где и нас поселили, только с другой стороны» [16].

В 1931 году часть жилого фонда Управления Соловецкими лагерями на 13-м и 25-м километрах была передана Горкомхозу, палаточный городок на 13-м километре был полностью ликвидирован [4]. Вероятно, ликвидация пункта УСЛОН была вызвана усилившейся кампанией против рабского труда в СССР со стороны Запада, когда проводилось устранение всех следов мест заключения на Севере. Освобожденные шалманы и бараки отводились спецпереселенцам. Их силами было продолжено промышленное развитие Кольского полуострова.

Проведенное исследование показывает, что заключенные Соловецких лагерей сыграли значительную роль в начале промышленного освоения Кольского полуострова – прокладке первых дорог, осушении болот, разработке Хибинского апатитового месторождения. На долю контингента УСЛОН пришлись самые тяжелые строительные работы, которые требовали мобилизации трудовых ресурсов. При этом экстремальные условия труда и проживания заключенных не отличались от других материковых и островных отделений Соловецких лагерей. Способы стимулирования и принуждения к труду, применяемые в отношении спецконтингента на Кольском полуострове, генетически связаны с методами, введенными в СЛОН. Статистические показатели свидетельствуют о низкой производительности труда заключенных. Отдельный вклад в развитие промышленности Мурмана внесли специалисты из числа заключенных.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность доктору исторических наук, профессору Мурманского государственного гуманитарного университета А. А. Киселеву за высказанные рекомендации к работе, а также заместителю председателя Хибинского общества «Мемориал» О. П. Смоленчук и старшему научному сотруднику Мурманского областного краеведческого музея К. Я. Коткину за содействие в поиске дополнительных материалов, обогативших настоящее исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прежнее название лагерей использовалось в документации наряду с новым.

² Филонить – увиливать от работы.

³ Аббревиатура «УСЛАГ» появилась в 1931 году и употреблялась в документации наряду с прежними наименованиями.

⁴ Штейгер – мастер, ведающий рудничными работами.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАМО – Государственный архив Мурманской области (г. Мурманск).

ГАМО в г. Кировске – Государственный архив Мурманской области в г. Кировске.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря.

КМК – Карело-Мурманский край, журнал.

НАРК – Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск).

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

ОДСПИ ГАО – Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области.

СИКМ ИТЛ – Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (с 1930 года).

СЛАГ – Соловецкие лагеря (с 1931 года).

СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ (с 1923 года).

УСЛАГ – Управление Соловецких лагерей (с 1931 года).

УСЛОН – Управление Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ (с 1923 года).

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности (г. Москва).

ИСТОЧНИКИ

1. Б. Э. Нефelin – не филонь // Новые Соловки. 1930. 8 июля. № 30. С. 3.
2. Вернадский В. И. Дневники. 12 февраля 1932 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 6–6 об.
3. Гаевский П. Образование Хибинского промышленного центра // КМК. 1928. № 9. С. 11–13.
4. ГАМО в г. Кировске. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1–34. Л. 832.
5. ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Производственное объединение Аппатит имени С. М. Кирова. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАМО. Ф. Р-773. Кондриков В. И.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2919.
8. Географический словарь Кольского полуострова / Под ред. В. П. Вощинина. Л., 1939. Т. 1.
9. Горский. Мурманский пункт // Новые Соловки. 1930. № 27. С. 3.
10. Д. Колонизация Мурманской ж[елезной] д[ороги] // Новые Соловки. 1926. № 45(97). 7 ноября. С. 1.
11. Даешь апатиты // Новые Соловки. 1930. № 30. 8 июля. С. 2.
12. Ершова О. Это было, было! [Воспоминания]. Л. 4 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал».
13. Закончена постройка Хибинской ветки // Новые Соловки. 1930. № 28. 28 июня. С. 1.
14. Карпанина (Таюшева) А. Н. Урал – Хибины – Родина моя [Воспоминания]. Л. 2 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал» (г. Апатиты, Мурманская обл.).
15. Лагкор. Мурманск // Новые Соловки. 1930. № 8. 16 марта. С. 3.
16. Лескова А. Тогда мы могли построить коммунизм [Воспоминания]. Л. 1 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал».
17. Лин П. Аппетиты к апатитам (Письмо из Гамбурга) // КМК. 1930. № 3. С. 21.
18. Н. В. УСЛОН на Мурмане (Беседа с заведующим рыбо-звероловными промыслами на Соловках и Уполномоченным УСЛОН на Мурмане В. П. Доильнициным) // Новые Соловки. 1926. № 45(97). 7 ноября. С. 1.
19. НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 19.216. Л. 9–10.
20. ОДСПИ ГАО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 361.
21. Отчет комиссии А. М. Шанина коллегии ОГПУ об обследовании Соловецких лагерей. ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 1–3. Опубл.: Архив А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1002596>
22. По краю: На апатитовых разработках // КМК. 1930. № 3. С. 33.
23. По краю: На апатитовых разработках // КМК. 1930. № 7–8. С. 55.
24. Поляров. Океан побежден // Новые Соловки. 1930. № 15 (17 апр.). С. 3.
25. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б). 1929–1930 гг. / Публ. С. А. Красильникова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 145.
26. Хибинский массив (Очерк научных результатов экспедиций в Хибинские и Ловозерские тундры 1920–1921 и 1922 гг.) / Под ред. А. Е. Ферсмана. М.; Пг., 1923. С. 63.
27. ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 102–112. Опубл.: Архив А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000703>
28. Чиркин Г. Промышленные перспективы хибинских минеральных богатств // КМК. 1929. № 8/9. С. 3–8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

29. Берлин В. Хибинское эхо ГУЛАГа // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск, 2008. С. 7–77.
30. Киселев А. А. ГУЛАГ на Мурмане: Репрессии 30-х – 50-х годов XX века на Кольском полуострове: очерки. Мурманск: МГПУ, 2008.
31. Матвеев А. Хибины – новенький вагон в социалистическом поезде // Котлован: Спец. вып. Хибинского отделения общества «Мемориал». [б. г.]. С. 5.
32. Мурман, Хибины: До и после... / Под ред. Г. Бодровой; Хибинское общество «Мемориал». Апатиты: Север, 2002.
33. Пленники Хибин (По материалам Кировского историко-краеведческого музея) // Хибинский вестник. 2009. № 42. 22 октября. С. 7.
34. Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.